

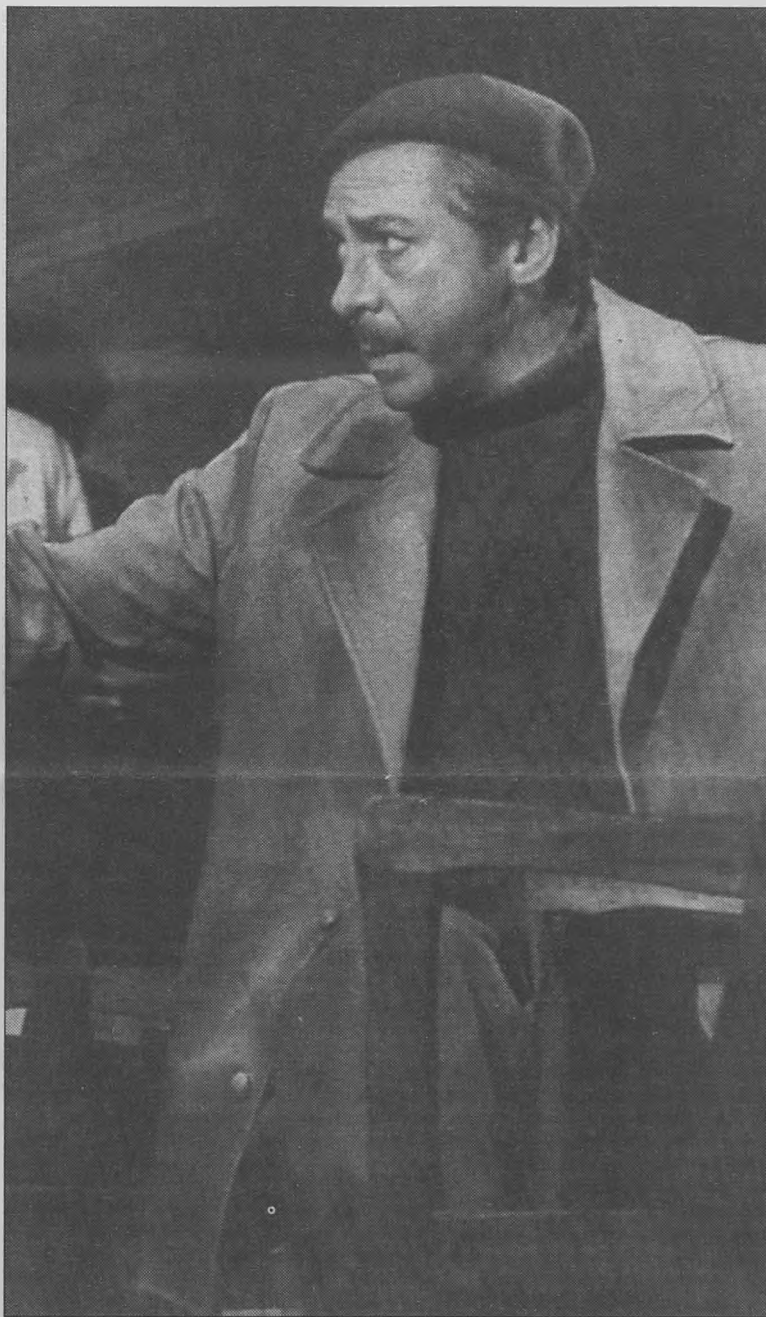
сейчас, наплевав на элементарное чувство достоинства. Ефремов отстаивал идеи, он бился за них, не поступаясь честью и своим чувством правды. Он умел сделать вид, что уступает, и на самом деле как стратег оказывался более прозорливым, чем тактик. Его убежденность была абсолютной. А природное, всепобеждающее обаяние ломало все преграды.

В траурные дни по телевизору показывали фрагменты его ролей. Сколько же доброго и открытого оставил он в память о себе. Кто еще так умел молчать на экране и так много выразить этим молчанием!? Кто еще мог так широко и невероятно искрен-

щи по профессии или представительницы прекрасного пола.

А прожил последние годы, месяцы почти что одиноком. Страшный кадр был снят во время похорон Ангелины Осиповны Степановой. Ушла последняя из великой когорты исконных мхатовцев. Олег Николаевич слабым голосом, собрав все силы, успел сказать ей последнее "прости". А потом за ним закрылись створки лифта, как закрываются створки люка в ритуальном зале. В день кончины он принял предложение пойти в театр. Он держался до последнего, потому что не собирался умирать. И может быть, не знает, что умер.

К горю нашему это знаем мы.

не улыбнуться!? Он владел магической притяжением и враз покорял сердца — будь то зрители, товари-

И в пору девальвации слов и понятий особенно весомо в приложении к нему звучит эпитет "ве-

ликий". Великий труженик, великий строитель театра, великий актер и режиссер.

Судьба одарила меня если не дружеством, то крепким товариществом с ним. Бывали времена, когда встречались чуть ли не каждый день. Бывали долгие разговоры и замечательные откровения. Было доверие. В той тридцатилетней давности телепередаче о Ефремове, о которой я упомянул выше, был такой момент. Наконец мы сняли на пленку сквозной разговор в студии, который перемежался сценами из фильмов и спектаклей. Ее просмотрели редакторы и сказали, что пускать в эфир в таком виде нельзя. Было две оговорки. Одна моя. Я не заметил, как зажглась красная лампочка, оповещавшая, что мы в эфире, и на слова Ефремова: "Знаете, странно все-таки смотреть на свое лицо со стороны", пошутил: "Особенно утром в зеркале, когда брешься". Сами, понимаете, что имел в виду. Дальше пошло, поехало нормально, пока Ефремов не начал рассказывать о том, что к пятидесятилетию советской власти театр поставил трилогию — "Декабристы", "Народовольцы" и, так сказать, "Большевики". Так сказать в нашем разговоре Ефремов произнес не один раз, но рядом с "Большевиками" это уже прозвучало крамоллой. Монтировать пленку было нельзя, и уже объявленную передачу отменили. Попросили у Олега Николаевича разрешения сказать, что в связи с его болезнью. Он категорически отказался и пригрозил, что выйдет на сцену и во всеулышание объявит, что здоров, а по каким причинам отменили передачу, не знает.

Идиотизм ситуации заключался в том, что через несколько дней передачу снова поставили в эфир, только он уже был прямым, так что наговорить мы могли что угодно. Мы сидели в студии и беседовали. Потом прерывались, и шла пленка с заранее отснятыми фрагментами ролей. В одно из новых включений я задал ему какой-то основополагающий мудреный вопрос. Он задумался на мгновение и ответил: "Видите ли... Видишь ли, Саня, зачем мы делаем вид, что никогда не говорили на эту тему?" Глаза его излучали искренность и открытость, он победительно продолжал, обращаясь ко мне "на ты". Я смеялся, тоже перешел "на ты", потом после ролика общались "на вы" и вновь перешли "на ты". Мне казалось это провалом, но телевизионное начальство оценило все происшедшее как проявление непосредственности и живости. Впрочем, и зрители тоже. Своим артистическим чутьем и безошибочной интуицией Ефремов выбил меня из заданной колеи и осуществил маленький законченный спектакль.

Не вернется время тех пятидесятих и шестидесятых. С грустью ощущаю, что и не возродится теперь ни в чем новом. Пронзительным ударом отозвалась когда-то смерть Евгения Евстигнеева. Сейчас, по радиоприемнику в машине, услышал: "В своей квартире, на семьдесят третьем году жизни скончался..." Слишком часто в последнее время звучат такие слова. Были мгновения подумать: кто же? Прозвучало имя Олега Николаевича Ефремова. Неожиданности удара не было. Но словно мрак опустился вокруг. Ушел он, а вместе с ним ушла эпоха.

Александр АВДЕЕНКО

мо отправился на аэродром. Что-то в этом посещении не понравилось Олегу Николаевичу, тоже приглашенному на торжество, и, сердитый сверх меры, он сидел уже после чествований в окружении нескольких человек в каком-то закутке, а на сцене разворачивался банкет. Пришла нынешний руководитель театра Галина Борисовна Волчек и осталась со своим учителем до конца торжеств. Они трогательно вспоминали минувшее, были взаимно нежны и по-братски дружны. И тут мне пришла в голову мысль, что в той стародавней истории раздела правы оказались те, кто пошел с Ефремовым во МХАТ, а еще больше те, кто не пошел. Может, наиболее верными учителями оказались те, кто остался, потому что они сохранили "Современник".

Поразительна относитель-

ность времен. В "Современнике" Олег Ефремов проработал всего четырнадцать лет, во МХАТе — тридцать. То ли года понеслись стремительнее, но те четырнадцать кажутся более протяженными и насыщенными. Может, из-за тогдашних новизны впечатлений и свежести восприятия, может, из-за неповторимости свершений.

В последние годы Олега Николаевича Ефремова частенько покусывали, особенно молодые критики. Даже в некрологе, переданном одной из известнейших радиостанций, рядом с возвышенными и справедливыми словами нашлось место для упреков в том, что он умел сотрудничать с властью, не чурался наград и всяческих знаков внимания. Да, это правда. Он умел сотрудничать с властью. Но совсем не тем способом, каким сотрудничают

